

## ДЕЗЕРТИР

Струсил.

Просто струсил Кирилл Журба, молодой человек из села Кошаринцы.

Бросил винтовку.

Бежал.

Бежал, ног под собой не чуя. Оставил товарищей. Потерял совесть. Забыл честь. Ничего не помнит. Как бежал — не помнит, что кричал — не помнит. Только помнит, как тряслись в животном страхе челюсти да екало заячье сердце...

И вот далеко позади остался бой, смолкли крики, стихли выстрелы. Тишина...

Упал в рожь Кирилл Журба. Впился ногтями в землю. Зарычал от радости:

— Жить буду! Долго жить буду!

И заплакал.

В этот миг на шоссе возник грохот. В бой шли машины. Везли людей, везли снаряды. Опять заметался в ужасе Кирилл Журба. Найдут! Найдут его! Господи боже мой, куда же спрятаться?

Встал на корточки. Огляделся. Огромное голубое небо над головой. Широкая степь вокруг. И во все стороны горбатые, как мосты, дороги. Большая грейдерная — в город. Узенькие, припущенные золотой соломой, — в села.

А если взять все дороги, как вожжи, в руки и разобрать, легко найдется среди них маленькая тощая дорожка в родные Кошаринцы.

Вон там, за косогором, начинаются массивы кошаринской озими — прошлой осенью Кирилл сам ее сеял, — рожь его спрячет. А дальше, подле реки, село, там родился Кирилл, по тем улицам бегал босоногим хлопчиком, — родное село укроет. Там в селе мать, и сестра Женя, и черноокая дивчина Настя, — они его успокоят, приголубят, в теплых, мягких подушках спрячут.

Встал Кирилл Журба. Отряхнул с колен землю. И пошел в родные Кошаринцы.

У околицы его остановила колхозная охрана. Бригадир Петр Воевода взгляделся в красноармейца и удивленно протянул:

— Э! Да это же Кирилл! Здорово, Кирилл! Надолго?

— На час, — потупив глаза, ответил Журба, — командир отпустил на час.

— А! Ну, иди! — сказал Воевода и проводил его острым взглядом до самой хаты.

Кирилл переступил порог родной избы, снял фуражку и увидел мать.

— Мама! — закричал он не своим голосом.

— Кирилл? Сыночек! Надолго?

Он хотел сказать ей, что совсем пришел, а почему-то сказал:

— На час.

Мать засуетилась, заметалась по хате. Стала собирать на стол, угощать дорогого гостя. Кирилл молча сидел у стола, глядел в пол, неохотно ел, кусок застревал в горле.

Так прошел этот час, и Кирилл уже почти забылся, отошел душою. Хорошо, что можно было так сидеть на лавке в красном углу. Хорошо, что не надо было никуда идти. Он словно оцепенел, ни о чем не думал, на часы не глядел.

Зато мать, Агафья Семеновна, часто и беспокойно поглядывала то на часы, то на сына. Вот и час прошел, а толком ни о чем не поговорили. Сейчас уйдет Кирюша на фронт...

— Сыночек, — сказала она робко, — тебе пора. Опоздаешь.

Кирилл вздрогнул.

— Мне, может, только час жить осталось, — закричал он плаксиво, — мать! Что же ты меня гонишь?

— Сыночек! — всхлипывала мать. — Так ведь все наши бьются. Как же так, сыночек? Иди! Не позорь себя!

Он вскочил на ноги и хотел крикнуть: «Сына родного гонишь?» — но не закричал, а сказал только:

— Я еще к Насте зайду. На минутку.

Шел по колхозной улице и видел, как следит за ним недоверчивым взглядом все село. Из всех окон, из-за каждого тына следили за ним старики, ребятишки, бабы. «Точно я вор!»

Вот и Настина хата, и вишня в палисаднике, и та скамеечка, где бывало... Вот и Настя, невеста.

— Настя! — закричал он и широко раскинул руки, чтобы обнять теплую дивчину, припасть к ее груди, рассказать ей все, как было.

Но Настя подняла на него глаза, и Кирилл понял, что она уже все знает.

— Что ж ты не на фронте, Кирилл? — тихо спросила Настя. — Все наши хлопцы там.

Как окаянный, как проклятый, ушел отсюда Кирилл Журба в темную ночь. Бродил, не находя себе места, и сам не знает, как добрался домой и уснул.

Утром его разбудила мать. Ни слезинки не было в ее глазах. Лицо было сухим, суровым.

— Собирайся, Кирилл! Пора! Иди! — сказала она.

И тогда он закричал на нее, закричал так, как сроду не кричал. Вскочил, замахнулся... Но не ударил! Страшны были глаза матери. Нет ничего страшней.

Он упал на койку и зарыдал, как ребенок.

Мать, не глянув на него, вышла и заперла хату на замок.

Все село, от околицы до околицы, шумело и волновалось. В разговорах у колодцев, на улице, на колхозном дворе одно слово раздавалось громче других: «дезертир».

Председатель сельсовета Иван Таенчук вызвал к себе бригадира Петра Воеводу.

— Подозрительно мне, — сказал председатель, — что в такую обстановку находится дома красноармеец Кирилл Журба. А?

— И мне это подозрительно.

— Так иди, товарищ Воевода, и скажи Кириллу, что требуем мы его в сельсовет.

Воевода пошел к хате Журбы, но увидел, что она на замке.

— Эй, — закричал он. — Чи кто есть дома?

Никто не отозвался.

Воевода подошел к окну, заглянул в него и заметил, как Кирилл, точно наблудившая кошка, забивается под лавку.

— Эй, Кирилл! — крикнул Воевода в окно. — Что же ты прячешься?

Но Кирилл только плотнее забился под лавку. Все хотел втянуть туда и ноги. Но ноги торчали наружу, ноги в тяжелых, армейских сапогах.

— Эх, Кирилл! — покачал головой Воевода. — Сукин ты сын, сволочь.

В это время и пришла домой сестра Журбы Евгения. Она отперла хату, впустила Воеводу и колхозников.

— Идите! — сказала она при этом. — Берите его!

Кирилла повели по колхозной улице к сельсовету. Все село наблюдало, как вели его. Он шел, опустив голову: хуже вора, хуже конокрада был он сейчас. «Проклятый! Окаянный!» — отзывалось в ушах.

Колхозники сами передали дезертира властям. Кирилл Журба предстал перед судом Военного трибунала. Он во всем сознался, ничего не скрыл. Был подавлен. Говорил мало. Но не плакал.

Ему объявили приговор: расстрел. Он выслушал его, опустив голову. Ну что ж, заслужил! Петр Воевода узнает о приговоре, скажет: «Правильно». Настя не уронит слезинки. Даже мать не вытрет глаза кончиком старенькой шали. Сухими глазами проводят они Кирилла на позорную смерть.

И это было тяжелее всего.

Шатаясь, вышел он из суда. Если б можно было теперь начать жить по-новому! Если б можно было снова очутиться среди товарищей, рассказать им о муках и позоре этих дней, искупить, доказать, оправдаться... Поздно! Завтра его расстреляют.

Но назавтра Журбу снова вызвали. Ему объявили, что, учтя его молодость, ему дают возможность искупить вину. Он поднял голову. Он прислушался. Жаркая волна радости разлилась по телу...

Иди, Кирилл Журба. Иди в бой! Кровью смывай с себя позорное пятно! Иди, бей врага! И возвращайся с победой.

Тогда обрадуется тебе старуха мать, тогда примут тебя родные Кошаринцы, пожмет тебе руку бригадир Воевода Петр, поцелует тебя твоя Настя.

1942